

RU

Образ скупого в романе У Цзин-цзы «Неофициальная история конфуцианцев»

Хатнюк А. В.

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей создания образа скупого героя в романе У Цзин-цзы через обращение к возможным ассоциациям с произведениями европейской и русской литературы. В статье рассмотрены некоторые персонажи романа, представляющие образ скупого, и установлены ассоциативные связи на мотивном уровне с классическими произведениями европейской и русской литературы. Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые образная система романа «Неофициальная история конфуцианцев» рассматривается в аспекте типизированности. В результате исследования установлено, что архетип скупого в романе складывается из образов чиновников, получивших учёную степень и оказавшихся в положении «хозяев жизни». Мотивы ростовщичества, неразумного накопления, продажи совести, неограниченной власти денег, составляющие основу анализируемых образов, прослеживаются в произведениях У. Шекспира, А. Пушкина, О. де Бальзака, Н. Гоголя, что позволяет выстраивать читательские ассоциации кросс-смыслов.

EN

The image of the miser in Wu Jingzi's novel "The Scholars"

A. V. Khatniuk

Abstract. The aim of this research is to identify the specific characteristics of the creation of the miserly character in Wu Jingzi's novel through an examination of potential associations with works of European and Russian literature. The article analyzes several characters in the novel who embody the image of a miser and establishes associative links at the motif level with classic European and Russian literary works. The scientific novelty of the research lies in the fact that it is the first to examine the figurative system of the novel "The Scholars" from the perspective of typification. The study found that the archetype of the miser in the novel is formed from the images of officials who have obtained academic degrees and found themselves in a position of "masters of life." The motifs of usury, irrational accumulation, selling one's conscience, and the unlimited power of money, which form the basis of the analyzed images, can be traced in the works of W. Shakespeare, A. Pushkin, O. de Balzac, and N. Gogol, allowing for the construction of reader associations of cross-meanings.

Введение

Любое литературное произведение по существу является манифестацией представлений о мире того или иного автора. Это не точная копия действительности, а преобразённая авторским сознанием модель, которая, однако, легко принимается читателем как реально существующая. Такому восприятию во многом способствует феномен художественного образа, его двоякой направленности. С одной стороны, образ имеет внешнее словесное воплощение, с другой – внутреннее наполнение, различные смыслы и ассоциации.

По словам литературоведа М. Б. Храпченко (1980), «художественный образ – результат сложной переработки жизненных впечатлений, наблюдений. Его сущность определяется прежде всего тем, что в нём содержится обобщение действительности, человеческого опыта». При наличии индивидуально-авторского видения жизни всё-таки существуют общечеловеческие ценности, универсальные во все времена, поэтому многие литературные образы с древних времён обретают черты типичности.

«Типичность – это высшая степень характерности, благодаря которой типический (типизированный) образ, вбирая в себя существенные особенности конкретно-исторического, социально-характерного, перерастает в то же время границы своей эпохи и обретает общечеловеческие черты, раскрывая устойчивые, вечные свойства человеческой природы» (Борисова, 2009, с. 24). Таковы, например, образы ревнивца, блудного сына, героя-любownika и др.

Данная статья посвящена рассмотрению архетипа скупого, основанного на образах романа У Цзин-цзы «Неофициальная история конфуцианцев» (1750). Актуальность обусловлена тем, что работа позволяет не только выявить национальные мировоззренческие представления, но и проследить за универсальными категориями человеческого бытия. «Встраивание» произведения в общий контекст литературного процесса способствует более глубокому постижению авторского замысла и укреплению новых читательских ассоциаций.

Для достижения вышеуказанной цели решался ряд задач: определение ключевых образов, отражающих мотив скупости; анализ средств выразительности, создающих эти образы; встраивание ассоциаций между скупцами, представленными в мировой литературе.

Материалом для исследования послужили художественные произведения мировой литературы:

- Бальзак О. Гобсек. Отец Горио / пер. с фр. Е. Ф. Корш, Н. И. Немчинова. М.: АСТ, 2021;
- Гоголь Н. В. Мёртвые души. СПб.: Лениздат, 2018;
- Гоголь Н. В. Петербургские повести. Харьков: Фолио, 2012;
- Пушкин А. С. Скупой рыцарь // Пушкин А. С. Сочинения: в 3 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения;
- У Цзин-цзы. Неофициальная история конфуцианцев / пер. с кит. Д. Н. Воскресенского. 1959. <https://www.rulit.me/books/neoficialnaya-istoriya-konfuciancev-download-556760.html>;
- Шекспир У. Венецианский купец / пер. с англ. Т. Щепкиной-Куперник. 1958. <https://www.lib.ru/SHAKE-SPEARE/kupec.txt>.

Теоретической базой исследования стали работы, касающиеся определения образности как одного из свойств художественного произведения: М. Б. Храпченко (1980), Е. Б. Борисовой (2009); литературоведческие исследования «вечных образов» Р. Г. Назирова (2019; 2020), а также статьи Д. Н. Воскресенского (1959), О. Л. Фишмана (1988), Л. Д. Позднеевой (2011), Сун Инънань (2024), Фан Сюйлун (方序龙, 2023), посвящённые анализу романа «Неофициальная история конфуцианцев».

В ходе работы применялись следующие методы исследования: мотивный – с целью выявления особенностей реализации мотива скупости в различных произведениях; сопоставительный – для обозначения сходных и различных элементов, составляющих архетип скупого.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы при разработке лекционного и практического материала в курсах по введению в литературоведение, в курсах зарубежной литературы. Кроме того, материалы статьи могут стать начальным этапом для поисков точек соприкосновения литературы Запада и Востока.

Обсуждение и результаты

Как нравственная категория, скупость издревле считается отрицательным свойством человека. Об этом свидетельствуют идиоматические выражения, фольклорные произведения, религиозные заповеди. Непомерная жадность вызывает всеобщее порицание, а жадный человек, как правило, пребывает в определённой социальной изоляции.

О феномене этого порока, его психологической природе и историческом развитии размышляют современные исследователи. Работа немецкого философа Ф. Рейнхардта (Reinhardt, 2009) посвящена рассмотрению десяти историй реально существовавших скряг; главная мысль книги – грань между рациональной бережливостью и запредельной скарედностью очень тонкая, и стоит даже посочувствовать тем, кто её перешёл. Швейцарский психоаналитик М. Долар, анализируя генезис порока, обращается не только к религии и истории, но и к образцам мировой литературы – и приходит к выводу, что архетип скряги имеет интернациональную природу: «...басни, анекдоты и образцовые рассказы о скупцах обильно кочевали из века в век и с лёгкостью переходили границы культур, нравов, пространств и времён» (2021, с. 4).

Природу скарעדности тщательно исследуют и писатели – представители разных культур и эпох, создавая выпуклые образы скупцов в своих произведениях. Стоит отметить, что эти образы представляют всю гамму обозначенного порока, составляющие которого являют собой интересную градацию от вполне безобидного свойства до дьявольской одиозности: бережливость, прижимистость, жадность, скупость, стяжательство, скопидомство, скарעדность, мздоимство, алчность. Особого внимания заслуживает и тот факт, что жадность не единственная отрицательная черта литературного героя. В зависимости от авторской художественной задачи персонаж «усиливается» сопутствующими негативными чертами, тесно связанными с проявлением генерального свойства: эгоизм, жестокость, несправедливость, мизантропия и, как следствие, тотальное одиночество, неприятие.

В качестве расхожего сюжета, основанного на мотиве скупости, используется следующая схема: разбогатевший (но не усердно и честно при этом трудящийся) родитель, боясь разорения, совершенно никакого сочувствия не испытывает к собственному ребёнку, не участвует в его судьбе. Основные мотивы берут своё начало в античной комедии римского драматурга Плавта «Клад» (в других переводах «Кубышка»). Считается, что эта комедия оказала значительное влияние на последующие произведения европейской и русской литературы. Так образ скупого перешёл в разряд «вечных», которые «в силу своей огромной типичности являются художественными обобщениями огромного масштаба, общим сокровищем искусства» (Назирова, 2019, с. 12).

Вспомним очень коротко конкретные примеры. Еврей Шейлок – ростовщик из комедии У. Шекспира «Венецианский купец» (1600), требующий фунт плоти своего заёмщика за неустойку; испытывающий ненависть

к сбежавшей с христианином дочери и укравшей его деньги и драгоценности; жаждущий отмщения за случившееся – в итоге остающийся ни с чем. Скаредный отец Гарпагон – герой комедии Ж.-Б. Мольера «Скупой» (1668), трясётся над своими деньгами, даёт средства в рост под грабительские проценты, совершенно не заботится о судьбе своих детей и даже радуется, когда льстивая сваха заявляет, что он ещё и внуков своих переживёт. Барон Филипп – персонаж «маленькой трагедии» А. С. Пушкина «Скупой рыцарь» (1830), чахнувший над своими сундуками с золотом, хотя каждая монета имеет за собой шлейф чужих страданий и горя; искренне переживающий за будущее своих накоплений, нежеле за жизнь сына. В этом же произведении выведен образ классического ростовщика – еврея Соломона, беспринципного человека, предлагающего Альберу пойти на отцеубийство, чтобы погасить долги. В классическую сюжетную схему укладываются образы скупых, созданные Н. А. Некрасовым в водевиле «Петербургский ростовщик» (1844) и А. Н. Островским в комедии «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (1871).

Реализуя колоссальный по размаху замысел «Человеческой комедии», О. де Бальзак рисует в своих произведениях различные типы алчных людей. В романе «Отец Горио» (1835) система персонажей как бы «опрокидывается» и сюжетная линия выстраивается по-другому: богатый хлеботорговец не жалеет ничего для собственных дочерей, удачно выдаёт их замуж, давая за каждой очень приличное приданое, однако те стыдятся отца, вспоминая о нём только тогда, когда требуются ещё большие деньги, буквально доводя его до одинокой смерти. В повести «Гобсек» (1830) Бальзак выводит неоднозначный образ ростовщика – «человека-векселя», который хоть и хладнокровен к чужим судьбам, но способен проявить и возвышенные чувства.

Радикально меняющимся в силу чудесных обстоятельств изображён герой «Рождественской песни в прозе» (1843) Ч. Диккенса угрюмый, разучившийся радоваться жизни скряга Эбенизер Скрудж – заглянув в будущее, страшится одиночества и меняет своё отношение и к людям, и к деньгам. Назидательными также воспринимаются образ непомерно жадной старухи из пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке» (1833) и заглавного героя басни И. А. Крылова «Скупой и Курица» (1819).

Особое место в мире литературы занимают многогранные образы скупцов, выведенные Н. В. Гоголем: Акакий Акакиевич Башмачкин из повести «Шинель» (1841); смуглолицый ростовщик и поддавшийся дьявольскому влиянию денег художник Чартков из повести «Портрет» (1835); стяжатель Чичиков, прижимистая Коробочка и «прореха на человечестве» Плюшкин из поэмы «Мёртвые души» (1835). «Капитал – это антихрист: такова социальная мистика Гоголя. Эта трактовка темы прямо восходит к романтической европейской традиции, для которой ростовщик есть слуга дьявола» (Назирова, 2020, с. 18).

В силу географической отдалённости от так называемого «центра мира» китайская литература не была знакома читателям Европы и России XIX столетия, поэтому оказывать влияние на литературные традиции не могла. Однако данная работа и выставленная в центр позиция читателя в ней позволяют выстраивать ассоциативные связи между персонажами и говорить о типизации образа скупого.

Единственное прозаическое произведение У Цзин-цзы (1701-1754), китайского поэта эпохи династии Цин, – роман «Неофициальная история конфуцианцев» – было завершено около 1750 года; опубликовано же только в конце XVIII века. Автором была задумана масштабная по охвату картина нравов современной действительности, хотя в силу цензурных соображений действие романа разворачивается во время правления последней национальной династии Мин; но, даже несмотря на это, почти полвека роман не публиковался, а распространялся в рукописных вариантах. Роман У Цзин-цзы – сатира, подвергающая изобличению пороки феодального Китая. Как отмечает литературовед О. Л. Фишман, «из романа У Цзин-цзы видно, что идеи Конфуция о рациональном социальном порядке, о разумном управлении, при котором каждый находится на соответствующем ему месте, о деятельном участии человека в жизни общества оказываются в явном контрасте с реальной действительностью, с идейной опустошенностью и разложением чиновничества, карьеризмом и тупостью кандидатов на должности, с продажностью членов государственного аппарата» (1988, с. 592).

Первый элемент, который «работает», создавая сатирический эффект, – заглавие. Создаётся впечатление, что автор делится с читателями секретом, вскрывает некие тайные знания – «неофициальные», выдаёт подноготную тех, кого традиционно принято было считать образцовыми мужами, добродетельными членами общества – конфуцианство в основе своей имело благую идею о личности с высокими морально-этическими ценностями. Однако роман демонстрирует галерею образов – и учёных мужей, и чиновников, и купцов, и даже незначительных слуг, для которых основы конфуцианства не более красивых книжных слов. Как пишет переводчик романа, востоковед Д. Н. Воскресенский (1959) в своём предисловии к изданию, «вся эта помпезность, с которой воспевались конфуцианские добродетели, была ширмой, за которой пряталась духовная деградация и фарисейство представителей господствующих классов. Сами глашатаи конфуцианства, представители чиновничества и учёного сословия, своими действиями и поступками на каждом шагу нарушали конфуцианские догмы, хотя на словах проповедовали идеи добродетели и гуманности. Те положительные зёрна, которые были заложены в конфуцианском учении в период его рождения, проросли сорняками лицемерия и лжи».

Дословный перевод заглавия данную мысль углубляет: «Сторонняя история леса учёных мужей». Авторский оксюморон в совокупности с гиперболой как бы предупреждает: герои на самом деле не те, кем кажутся. Подобного рода идея, когда за маской статуса скрывается абсолютная духовная пустота, на наш взгляд, интернациональна. Схожий по смыслу оксюморон лежит и в заглавиях русских произведений – «Мёртвые души» Н. Гоголя, «Скупой рыцарь» А. Пушкина.

Среди широкого круга пороков, изображаемых У Цзин-цзы, особое место занимает жадность в различных своих проявлениях: это и учёные, которые способны за деньги продвигать своих бездарных учеников; и государственные чиновники разной величины, для которых взятки и кумовство – основа любого дела; с другой

стороны – это некогда бедные «маленькие» люди, взобравшиеся выше по карьерной лестнице и ослеплённые появившимися у них деньгами. Какой бы социальный статус ни имел отрицательный персонаж, одной из его порочных черт непременно является страсть к деньгам, их накопительство.

Развёртывание сюжета романа, при собственной индивидуальности, имеет, на наш взгляд, пересечения с другими эпическими произведениями о скупости. «Неофициальная история конфуцианства» представляет собой мозаичное полотно, состоящее из 55 глав-эпизодов, связанных между собой идейно и не выстраивающихся в линейный сюжет. Подобное построение избирает французский романист О. де Бальзак, задумавший «Человеческую комедию» (с оглядкой на «Божественную комедию» Данте): все слои общества, всевозможные его пороки и добродетели соединяются в одну масштабную историю нравов. Синонимичная художественная идея, однако, получила разное воплощение: У Цзин-цзы чужды пространственные описания, внутренняя жизнь героев отмечается короткими штрихами, основным средством характеристики становится прямая речь персонажей. Бальзак же решает поставленную задачу в духе классического реализма с присущим ему набором художественных «инструментов».

Читательский опыт невольно подсказывает известные слова Н. Гоголя, высказанные по поводу его комедии «Ревизор», но идейно созвучные и его же «Мёртвым душам», и роману «Неофициальная история конфуцианцев»: «...собрать в одну кучу всё дурное... и за одним разом посмеяться над всем» (Гоголь Н. В. Письмо Жуковскому В. А., 10 января 1848 г. г. Неаполь // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М. – Л., 1952. Т. 14. Письма, 1848-1852 / ред. А. Н. Михайлова, с. 33-34). И действительно, роман У Цзин-цзы, по замечаниям исследователей, при всей внешней несхожести, имеет пересечения с поэмой Н. В. Гоголя. Например, исследуя систему персонажей, Лю Дэндун делает вывод о наличии в судьбе комедийных персонажей обоих произведений трагедийного начала: «...образы в обоих произведениях смешные и одновременно трагичные» (Цит. по: Ян И, 2021, с. 492). Анализируя динамику нравственной деградации персонажей, Сун Инънань отмечает: «...социальные пороки вызывают в русской и китайской культурах одинаковую реакцию – презрение к личности. Однако оба писателя чувствуют необходимость исследовать общественное зло, чтобы, выявив недуг и поставив диагноз обществу, иметь возможность вылечить его от этого порока» (2024, с. 143).

Как было отмечено выше, образы накопителей занимают в романе У Цзин-цзы центральное место. Рассмотрим их особенности на некоторых ярких примерах.

В гл. 5 представлена история двух братьев – Янь Чжи-чжуна и Янь Чжи-хэ. Старший брат – Янь Чжи-чжун имеет учёную степень сюэя (низшая степень), к тому же награждён почётным званием гуншэна – за особые заслуги (какие – в романе не уточняется). Младший Янь Чжи-хэ имеет степень цзяньшэна (более высокая степень); в родной деревне он получил прозвище Янь Да-юй – Янь «большой эрудиции».

Старший Янь – плут и мошенник, своей хитростью и удивительной наглостью третирующий бедных соседей. Не желая забирать убежавшего к соседу поросёнка, Янь сначала продаёт его почти за бесценок; а затем, когда сосед Ван поросёнка раскормил и не заметил, как тот сбежал обратно, требует снова выкупить его за приличную сумму по рыночной цене. Ван не согласился и начал скандал, в ответ на который сыновья Яня избili несчастного палками до полусмерти, переломав ему ноги. Эту историю непомерной жадности читатель узнаёт от младшего брата Вана, пришедшего с челобитной в присутственное место.

Набор мотивов «ссора двух соседей», «откормленная свинья» и «судебная тяжба» отдалённо, но напоминает читателю канву «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1835) Н. Гоголя. Здесь скорее идёт речь о метафорической душевной скупости, о разрушительной силе накопления обиды и злобы.

Вторая история озвучивается другим просителем: Хуан Мын-тун, бедный крестьянин, не имея нужной суммы для уплаты налога, подписал вексель с процентами, предложенный Янем, однако денег сразу не взял. Затем встретил родственника, который не только помог с займом под меньший процент, но и предупредил держаться от Яня подальше. Благополучно забыв о векселе, Хуан Мын-тун обратился за ним к Яню только через полгода – и получил вот такое требование: «Если бы уничтожил вексель сразу, то он (Янь. – А. Х.) смог бы отдать деньги кому-нибудь другому и получать за них проценты, а так они пролежали без употребления, а поэтому все проценты в течение полугодия должен платить я (Хуан Мын-тун. – А. Х.)» (У Цзин-цзы, 1959). Хитрость героя, делаящего деньги буквально из воздуха, сопоставима с «деловой» придумкой Чичикова из «Мёртвых душ» Н. Гоголя.

Обе истории выстраиваются на антитезе «высокое положение» – «низкое положение», которая ярче высвечивает образ бесчестного чиновника, злоупотребляющего своим статусом и чувствующего силу и безнаказанность.

Полученная учёность для старшего Яня становится источником для подлых поступков. О положении волка в овечьей шкуре говорит уездный Тан, рассматривающий обе жалобы: «Ведь этот Янь имеет учёную степень гуншэна... одежду носит чиновничью, ему бы в деревне добрыми делами заниматься, а он вместо этого дурачит людей. Какая мерзость!» (У Цзин-цзы, 1959). Эмоционально окрашенная последняя реплика напрямую выражает авторское отношение к такому укоровившемуся положению дел.

Предупреждённый о грядущем аресте, Янь Чжи-чжун трусливо сбегает из деревни в провинциальный городок неподалёку, совсем как Чичиков ретируется после разоблачения.

Разрешать дела брата остаётся младший брат, богач («богатство его превышало сотню тысяч лянов серебром»), который не пожалел одарить двумя тысячами медных монет посланников, принёсших сообщение об аресте. Причиной тому стала не щедрость, а трусость – как бы чего не вышло.

Будучи по прозвищу человеком «большой эрудиции», младший Янь созывает семейный совет для поиска правильного решения. В итоге свинью отдают, вексель признают недействительным – и всего минус десяток лянов серебра из кармана Яня Чжи-хэ.

После удачного завершения дел младший Янь и его шурины устраивают небольшой пир, на котором выясняются новые подробности жизни мошенника Яня Чжи-чжуна. Он получил учёную степень и казённое содержание только потому, что его экзаменаторы сами ничего не смыслили в сочинениях; после успешной сдачи экзаменов требовал носить ему дорогие подарки и при этом сам к себе на пиры никого не звал даже из родственников; при наличии достатка он задолжал повару и мяснику, хотя мясо в большом количестве постоянно водится в его семье. Его младший брат удивляется: у Яня «совсем нет земли и семья большая. Каждый три дня они покупают на пять цзиней мяса, готовят его так, что пальчики облизнешь. За один присест съедят мясо, берут в кредит рыбу. Когда мы разделились, у него было столько же земли, что и у меня, да он её всю проел. А сейчас он тащит через заднюю дверь стулья из грушевого дерева и меняет их на пирожки с мясом. Разве это дело!» (У Цзин-цзы, 1959).

Детализированное описание вещного мира несвойственно стилю романа в целом, однако, говоря о жизни своих героев-стяжателей, писатель прибегает к использованию подобных говорящих подробностей. Такой подход находим и в романах О. де Бальзака, и в прозе Н. Гоголя.

Удивительная щедрость младшего Яня по отношению к брату на фоне той иррациональной аскетичности его семьи, которая рисуется повествователем далее, выглядит странной. Например, трёхлетнему сыну Янь Чжи-хэ не покупает мяса; а его покойная жена, оказывается, все деньги от аренды своего дома бережно складывала в пергаментную бумагу и прятала в бутылке на случай крайней нужды. При этом «как увидит бедного родственника, сама не поест, а его накормит и одежду даст» (У Цзин-цзы, 1959).

Можем предположить, что причина такого отношения к деньгам кроется в китайской концепции «гуаньси», лежащей в основе конфуцианской этики. Это понятие близко к русскому кумовству, но не имеет негативной окрашенности: важны связи человека, которые в нужный момент могут помочь, при этом долг остаётся красен платежом. Вероятнее всего, младший Янь не скупится на одаривание мелких чиновников, своих дальних родственников в надежде на будущие «дивиденды», а отказывая во всём себе, проявляет экономию.

У Цзин-цзы не был бы первым в Китае сатириком, если бы не довёл эту экономность героя до крайней степени, высмеивая в принципе подобный тип мышления. Реализуя эту цель, писатель показывает болезнь и последующую смерть героя на фоне усиливающейся скарденности. После смерти жены Янь Чжи-хэ не может оправиться и заболевает сам: «Уже прошел праздник фонарей, а у него начались сердечные боли. Вначале он ещё сдерживался и ежедневно до третьей стражи просматривал счета. Но мало-помалу Янь перестал есть, высох как былинка, а тратить серебро на женьшень было жаль» (У Цзин-цзы, 1959). Можно предположить, что отец желает оставить средства для существования ещё маленькому сыну, но автор развеивает эти ожидания: Янь даёт наказ позаботиться о том, чтобы сын во что бы то ни стало добился учёной степени – и тогда не будет ни в чём нуждаться.

Мотив отказа от необходимого вследствие накопительства нашёл своё отражение и в других произведениях. Например, меняющаяся жизнь гоголевского Акакия Акакиевича, и без того скромная: ради того, чтобы скопить деньги на вожделенную новую шинель, герой перестал пить чай по вечерам и зажигать свечи, реже отдавал бельё стирать, старался ходить осторожнее, чтобы сохранить подмётки. Или бальзаковский отец Горио, который переезжал на более высокие этажи (так дешевле), перестал топить зимой, а затем и вовсе стал ходить в обносках. Причина «падения» этого героя совершенно иная, кроется в гуманных соображениях по отношению к дочерям. Однако мотив экономии на себе, переходящей границы разумного, позволяет ассоциировать друг с другом указанные образы.

Ещё одним поводом проводить параллели становится авторское внимание к описанию мира вещей. Именно бытовая сторона жизни тесно соприкасается с человеком и воплощает через внешнее его внутренний мир.

Так, говорящей о непомерной скупости, даже на смертном одре, деталью в истории Яня Чжи-хэ становится горящий светильник с двумя фитилями. В последние минуты жизни обессиленный герой, не имея уже возможности произнести слова – в горле что-то постоянно хлопотало, – отчаянно показывает многочисленным собравшимся родственникам два пальца. Они гадают, что это может значить: два родственника, которых сейчас нет рядом; в двух местах ещё спрятаны деньги; два шурина, помогавшие обстригать дело со старшим братом. Оказалось, что Янь обеспокоен чрезмерным расходом масла на два фитиля!

Скупой остаётся верен себе до самого конца. Таков и пушкинский барон Филипп, умирающий с мыслями о ключах от сундуков, полных золота.

Не менее ярким примером реализации образа скупого становятся герои Куан Чао-жень и Пань Цзы-е, введенные в главах 15-20. Первый – выходец из бедной семьи, не закончивший учёбу из-за тяжёлого материального положения и вернувшийся домой ухаживать за престарелым отцом. Юноша демонстрирует глубочайшую почтительность к родителям, трепетно относится к своим старикам, спасает их из пожара, при этом рискуя собственной жизнью, берётся за любую работу, чтобы обеспечить семью. Ум и талант юноши не остаются незамеченными – под покровительством одного учёного он успешно сдаёт экзамены, затем перебирается в город, выгодно женится (не без связей).

Череда событий, ведущая к изменению социального статуса, способствует и внутреннему изменению героя: он заключает сделки с собственной совестью при любом удобном случае. Ради улучшения своего материального положения Куан Чао-жень отворачивается от старых друзей, отказывается от жены, забывает своих благодетелей, принимает участие в преступных махинациях нового покровителя и в конце концов становится «истинным» учёным мужем, который постиг мастерство обмана (Позднеева, 2011). Свой талант новоиспечённый сюдай употребляет для того, чтобы незаконно помочь сдать экзамены бездарностям – естественно,

за большое вознаграждение. Не гнушается герой и составлением брачных контрактов и расписок в «требуемом» виде, забывая важное наставление своего отца: «Главное – это добродетель». Чем больше Куаном Чао-жэнем овладевает стяжательство, тем больше он утрачивает духовность. Доходит до того, что он объявляет себя чуть ли не равным Конфуцию: «...грамотные люди во всех названных мною пяти провинциях чтут и уважают меня и на своих письменных столах воскуряют свечи в честь первоучёного Куан Цзы» (У Цзин-цзы, 1959).

Подобный путь проходит многообещающий юноша – художник Чартков (герой повести «Портрет» Гоголя). Чем больше он заботился о славе и материальной стороне своей жизни, тем меньше оставалось в нём истинного света и дарования.

Ассоциации между героями двух произведений усиливаются ещё и благодаря наличию персонажей-искусителей, сыгравших поворотную роль в судьбе молодых людей. В повести Гоголя это мистическая фигура ростовщика, сошедшего с загадочного портрета, – воплощение дьявольского начала. Самым примечательным в его изображении были необыкновенные глаза, которые казались живыми. В романе У Цзин-цзы «проводником» в мир богатства становится чиновник – Пань цзы-е (Третий Пань). Обычно не дающий детализированного портрета героям, У Цзин-цзы (1959) подробно останавливается на описании облика этого персонажа: «...в чиновничьей шляпе, чёрном атласном халате и чёрных сапогах на толстой подошве с носками, похожими на лягушечьи головы. Незнакомец был темнокож, с желтоватой бородой, высокими скулами и пронизывающим взглядом». В этом описании сосредоточены детали, тоже намекающие на дьявольскую природу чиновника: чёрный цвет, лягушка – символ богатства в Китае, неприятный взгляд (общее место: глаза – зеркало души).

Однако Третьему Паню не нужна душа Куана – он просто пользуется его талантами для получения собственной выгоды. Грехов за чиновником накопилось огромное количество, о некоторых читатель узнаёт подробно. Повествование об этих историях начинается всегда одинаково: приходит кто-нибудь из многочисленных знакомых Паня, выкладывает суть дела и сразу же заявляет, сколько «потерпевший» готов выложить за услугу; а Пань обычно сумму увеличивает. Весь масштаб преступной деятельности Третьего Паня читатель узнаёт из официального документа – постановления об аресте: «...в бумаге перечислялось более десятка преступлений: незаконное присвоение налоговых сумм; тайное сокрытие нескольких дел, за которые полагалась смертная казнь; незаконное использование уездной печати; подделки нескольких печатей на фальшивых приказах; содействие в похищении людей; угнетение простых граждан, доведённых до самоубийства непосильными процентами; обман инспектора училищ и использование подставных лиц на экзаменах... Преступлений оказалось так много, что их было невозможно перечислить» (У Цзин-цзы, 1959). В контексте нашего исследования в фокусе внимания оказываются преступления, связанные с ростовщицеством. Они прочно «увязывают» образ злодея Паня с образами Шейлока (и его требованием «фунта мяса») и Гобсека (чьё имя буквально переводится «живоглот»).

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать некоторые выводы. В романе У Цзин-цзы образ скупого представлен многолико, однако во всех случаях отрицательная сущность персонажа сводится к его учёности. Писатель не обличает определённый класс – он обличает порочное общество, где догмы конфуцианского учения истолковываются весьма превратно. Многогранный образ скряги, по У Цзин-цзы, складывается из лживости, изворотливости и высокомерия личности, помноженных на прогнившие устои общественной морали. Этому влиянию поддаются и знатные люди, и люди невысокого статуса.

Для создания образа скупого У Цзин-цзы использует широкий спектр приёмов. Главный из них – сатира: все жадные персонажи предстают в невыгодном свете, не вызывают сочувствия. Этот эффект усиливается гиперболой, позволяющей возносить порок до общенародного масштаба. Используемый в заглавии оксюморон укрепляет авторскую мысль о типичности явления. С целью придания индивидуальных черт героям, так называемого «очеловечивания» абстрактного типа персонажа, У Цзин-цзы в некоторых эпизодах использует описание внешности (портрет) и детализацию вещного мира как средства создания образа. Самыми распространёнными средствами становятся речь самого героя и авторская характеристика, в которой нередки оценочные выражения.

Созданный китайским писателем образ скупого имеет некоторые ассоциации с образами европейской и русской литературы на мотивном уровне: усиление положения за счёт накопительства; неразумная экономия, приводящая к гибели; вырождение духовного начала под влиянием богатства. Наличие таких пересечений смыслов свидетельствует об интернациональной природе феномена скупости, его «общечеловечности».

В качестве перспектив данного исследования видится работа над анализом образов скупых из других глав романа «Неофициальная история конфуцианцев», а также рассмотрение на контрасте положительного героя, который представлен в произведении архетипом «маленького человека», что тоже носит в себе ассоциативные смысловые наслоения.

Источники | References

1. Борисова Е. Б. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35.
2. Воскресенский Д. Н. У Цзин-цзы и его роман «Неофициальная история конфуцианцев» // У Цзин-цзы. Неофициальная история конфуцианцев / пер. с кит. и предисл. Д. Воскресенского. 1959. <https://www.rulit.me/books/neoofficialnaya-istoriya-konfuciancev-download-556760.html>

3. Долар М. О скупости и связанных с ней вещах. Тема и вариации / пер. со слов. А. Красовец. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021.
4. Назиров Р. Г. Вечные образы в литературе и их русские отражения // Назировский архив. 2019. № 1.
5. Назиров Р. Г. Вечные образы в литературе и их русские отражения // Назировский архив. 2020. № 1.
6. Позднеева Л. Д. Сатира У Цзинцзы и его идеалы в романе «Неофициальная история конфуцианцев» (XVIII в.) // Позднеева Л. Д. История китайской литературы: собрание трудов. М.: Восточная литература, 2011.
7. Сун Инънань. Динамика духовно-нравственной деградации героев романа У Цзиньцзы «Неофициальная история конфуцианцев» и поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» // Русская литература. 2024. № 2.
8. Фишман О. Л. «Неофициальная история конфуцианцев» // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1988. Т. 5.
9. Храпченко М. Б. Горизонты художественного образа (Статья вторая) // Вопросы литературы. 1980. № 12. <https://voplit.ru/article/gorizonty-hudozhestvennogo-obraza-statya-vtoraya/>
10. Ян И. Роман Н. Гоголя «Мёртвые души» в литературоведении Китая // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4 (89).
11. Reinhardt V. Mein Geld! Meine Seele! Die größten Geizhalse und ihre Geschichten. München: C. H. Beck Verlag, 2009.
12. 方序龙. 跨文化语境中《儒林外史》插图的“从属性”与“独立性”研究——以华克生俄译本为例 (Фан Сюйлун. Исследование степени «подчиненности» и «независимости» иллюстраций «Неофициальной истории конфуцианцев»: кросс-культурный контекст (на примере русского перевода Д. Н. Воскресенского)) // Современные востоковедческие исследования. 2023. № 2. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2023-23-35>

Информация об авторах | Author information

Хатнюк Артём Вадимович¹

¹ Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китайская Народная Республика

Artem Vadymovych Khatniuk¹

¹ Heilongjiang University, Harbin, The People's Republic of China

¹ artem.khatnyuk1@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.12.2024; опубликовано online (published online): 29.01.2025.

Ключевые слова (keywords): образ скупого; мотив скупости; роман «Неофициальная история конфуцианцев» У Цзин-цзы; типизация образа скупого; образы европейской и русской литературы; image of the miser; motif of miserliness; novel "The Scholars" by Wu Jingzi; typification of the image of the miser; images of European and Russian literature.